

DOI: 10.46698/g3018-9774-7003-и

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ, ВЕРБАЛИЗУЮЩИЕ КОНЦЕПТЫ ЖЕНЩИНА И ДЕВУШКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.Б. КАЙТУКОВА

Р. Г. Цопанова

*Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ, № 20-512-07002
«Коммуникативная стилистика современного осетинского художественного текста:
проблемы идиостиля и лексической структуры»*

Целью данного исследования является определение ментального содержания лексики и фразеологии, вербализующей концепты женщина (сылгоймаг) и девушка (чызг) в произведениях осетинского писателя А.Б. Кайтукова. Научная новизна связана с тем, что впервые на языковом материале произведений А. Кайтукова выявлено ментальное содержание указанных концептов. Актуальность данного исследования в том, что, благодаря описанию языкового содержания концептов женщина (сылгоймаг) и девушка (чызг), читатель, с одной стороны, вводится в мир национальной лингвокультуры, содержащей информацию о менталитете народа, с другой стороны – дается характеристика индивидуальных особенностей языка писателя. В работе использованы следующие методы исследования: семантико-стилистический, методы концептуального и контекстуального анализа языковых единиц в художественном тексте. Поставлены следующие задачи: определить номинативную плотность концептов женщина и девушка; раскрыть ментальное содержание лексики и фразеологии, вербализующей названные концепты; указать когнитивные признаки исследуемых концептов; охарактеризовать лексику и фразеологию, объективирующие названные концепты как средство создания идиостиля писателя. В результате работы дана характеристика концептов женщина и девушка в произведениях А. Кайтукова в аспекте лингвокультуры и в рамках идиостиля писателя.

Ключевые слова: концепт, номинативная плотность, этнический менталитет, концептуальные признаки, идиостиль писателя.

Теоретической базой данного исследования стали работы известных ученых в области лингвокультурологии (В.И. Карасика, З.Д. Поповой, С.Г. Воркачева). Язык рассматривается ими во взаимодействии с культурой и человеком, создающим эту культуру. Концепт считается основополагающей категорией лингвокультуры и когнитивной лингвистики. Использованы также теоретические положения Н.С. Болотновой, И.И. Бабенко, Н.Г. Петровой и др. о регулятивных средствах языка в художественном тексте, используемых с целью создания коммуникативного эффекта произведения.

Концепт, вслед за Воркачевым, определяем как «единицу коллективного зна-

ния/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [1, 22]. Мы можем говорить о национальном содержании концепта, если в его содержании имеется информация о культуре народа – его обычаях, традициях, образе жизни.

Для вербализации концептов женщина (сылгоймаг) и девушка (чызг) писатель использует коммуникативно-когнитивные и стилистические свойства осетинской лексики и фразеологии. Они соотносятся «с определенными ситуациями общения и реалиями культуры (прецедентными текстами, символами, стереотипами, традициями и т. д.)» [2, 52].

Доминирующим концептом в произведениях А. Кайтукова является женщина в разных социальных ролях: мать, жена, свекровь, бабушка. Эти слова входят в состав ключевых концептов культуры осетинского языка, наряду с такими, как *лагг* (мужчина), *фыдыбæстæ* (родина), *бинонтæ* (семья) и др. Можно указать разные когнитивные признаки этих членов семьи. Мать в одном случае – открытая, прозорливая, готова принести себя в жертву ради малолетнего сына и примирения кровников (рассказ «Судьба» («Хъысмæт»), в другом случае – хранительница обычаев, счастливая мать; жена – верная, послушная, но бывает и бесправной (рассказ «Посох пастуха» («Фыййауы лæдзæг»); свекровь – недоверчивая, хранительница домашнего очага; бабушка – мудрая, миролюбивая, понимающая причину и следствие событий, всегда добрая [3].

«Сравнительно-этнографическое изучение быта народов Кавказа позволяет утверждать, что отношение к женщине у осетин было более уважительным, чем у остальных горцев. Она занималась домашними работами и пользовалась уважением и почетом среди своих домочадцев, хотя внешне отношение к ней было суровым» [4, 514].

Кайтуков создал образы и злых, завистливых, мстительных женщин, а также обездоленных и беззащитных («Харчевня Хуллупа» («Хуыллыппы харчевня», «Судьба» («Хъысмæт») и др.

Во все времена в осетинском обществе к девушке и женщине предъявлялись высокие морально-нравственные требования, в том числе к ее внешности, физическому состоянию, что нашло отражение в образах, созданных Кайтуковым. Законы, обычаи, этические нормы, по которым живут героини рассказов, актуальны и в современных социально-культурных, бытовых условиях осетинской действительности.

В пословицах и поговорках содержится некоторое представление народа о

мужчине и женщине: *Нæлгоймагæн – дыууæ сæры, сылгоймагæн – дыууæ дзыхы* (У мужчины – две головы, у женщины – два рта) (Здесь и далее переводы на русский язык автора статьи. – Р.Ц.). *Нæлгоймаджы худинаг – хъæуыдзаг, сылгоймаджы худинаг – бæстыдзаг* (Позор мужчины – в пределах села, позор женщины – на весь мир). *Чындздзон чызг – дзырдамонд* (Девушку на выданье преследует молва) и др.

Концепт *женщина* имеет больше наименований, чем *девушка*, что указывает на большую социальную значимость женщины в обществе, описанном А. Кайтуковым.

Исследуемые концепты в произведениях Кайтукова объективированы разными языковыми средствами: коннотативной лексикой (в их число входят сравнения, метафоры, эпитеты) и фразеологизмами. Они составляют номинативное поле концептов.

Описываются различные качества женщин и девушек: физические, поведенческие, ментальные, эмоциональные, психические.

В семантике концептов *сылгоймаг* (женщина) и *чызг* (девушка) в произведениях Кайтукова отразился национальный менталитет, который понимается как «национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации» [5, 59]. Национальный менталитет определил образ жизни, поведение женщин и девушек в осетинском обществе, сформировал их сознание.

Писатель не мог отойти от национальной языковой картины мира, которая, как известно, отражает жизнь народа, его социальный опыт, что мы видим и в используемых писателем языковых единицах, вербализующих названные концепты.

Номинативное поле концептов образуют прямые номинации (*ядро* поля) и не прямые номинации (*периферия* поля). Ядро концепта *сылгоймаг* (женщина) в

произведениях Кайтукова образуют слова *сылгоймаг* (женщина), *мад* (мать), *ус* (женщина и жена). Периферийные номинации – *зæронд ус* (старуха букв.: старая женщина), *сидзæргæс* (вдова), *чындз* (невестка), *æфсин* (свекровь и хозяйка), *нана* (бабушка), *æна* (бабушка), *æдзи* (бабушка), *Дзыцца* (имя матери и обращение к ней), *Цæллагон* (из Цаллаговых – наименование женщины по девичьей фамилии), *Агуында* (женское имя), *на мадыхай* (наша матушка (букв.: доля матери)). Языковые средства, характеризующие женщину и девушку, образуют дальнюю периферию концепта: *Едзиты зонынджын зæронд ус* (мудрая старуха Едзиевых), *къалатийы уæрццау* (как перепелка в клетке). Ласковые обращения, используемые женщинами в общении с младшими и взрослыми, говорят как о душевном настрое, так и о необходимости использования традиционных этикетных формул в коммуникации. Это – обращение к внуку (*мæ къона 11* (мой очаг), *нана дæ рынтæ ахæра* (да съест бабушка твои болезни), *мæ хъæбул* (мое дитя), *дæ рынтæ ахæрон* (съем твои болезни), *Дзыццайы хур* (солнце Дзыцца – называет мать взрослого сына), к посторонним людям (*мæ хуртæ* (мои солнца)). Действия женщин становятся важной частью их морально-нравственной характеристики. Например: *Елиса лæппуйы æлвыд сæр æрбахъæбыс кодта æмæ фæлмаен хъæлæсыуагæй афтæ бакодта...* 11 (Цифрами указываются страницы в рассказах А. Кайтукова) («Доны къусы аргъ» («Цена чаши воды») (Елиса обняла мальчика за стриженную голову и мягким голосом попросила...»). *Æфсæрмагæй мард Ацырухс. Нанайы ауон ныгъуылдтытæ-гæнгæ, фæсус хъæлæсæй цыбыр дзуапп радта...* 172 («Ус богал» («Женщина-силач») (Ацырухс была смущена букв.: умирала от смущения. Прячась за свекровью, шепотом дала короткий ответ...) и др.

Прямая номинация концепта *чызг* (девушка) в текстах Кайтукова – это *чызг*

и *чындздзон чызг* (девушка возраста невесты).

Периферию номинации этого концепта, например, в рассказах «Цæллагты саураесугъд» («Красавица Цаллаговых»), «Туджы пырхæнтæ» («Брызги крови») образуют слова, словосочетания: *саураесугъд* (черная красавица), *Дария* (женское имя); традиционные составные наименования, фразеологизмы: *сæ иунаг* (их единственная), *урсдæллагхъуыр чызджытæ 22* (букв.: девушки с белыми шеями), *сызгъæрин талатау рæнхъæй лæууыдысты тасгæ-уасгæ гуырвидауц чызджытæ* (как золотые побеги, стояли в ряд гибкие, стройные девушки); этикетные обращения (*мæ царды стъалы* (солнце моей жизни), *на хо 81* (наша сестра). *На хо* (наша сестра) – уважительное этикетное обращение к девушке, в рассказе «Красавица Цаллаговых» («Цæллагты саураесугъд») – к родственнице, но оно используется и в обращении к незнакомой девушке. Метафоры, характеризующие девушку Дарии, также образуют периферию названного концепта: *уæларвон зæд* (небесный ангел), *мæ царды стъалы* (звезда моей жизни). В дальнюю периферию номинативного поля концепта *девушка* (*чызг*) входят *калм* (змея), *усбирагъ 86* (оборотень букв.: женщина-волк). Писатель создал запоминающийся символический портрет девушки Дарии, красавицы, немножко легкомысленной, физически сильной, свободной в поступках и речах (не всегда дозволенных традицией). Ей свойственна безрассудность, так как она выросла в любви и заботе в родительском доме рядом с двоюродными братьями, которые могли, как ей казалось, защитить ее от любой напасти.

Так, она захотела помериться силой с незнакомым парнем. Такое поведение поражает влюбленного в нее парня, так как нарушает его представление о девушке как о послушном и застенчивом существе: *Ау, Цæллагонæн йæ зонд фæцыд, нæлгоймагимæ армаццагæй хъазы?* 80

(Как, Цаллагон с ума сошла, что решила драться с мужчиной врукопашную?)

Внешняя привлекательность Дарии описывается в традиционных символических выражениях: *æддæмæ лæбурдтой дыууæ къуыбыр риуы* – вырывались наружу выпуклости грудей), *тасгæ-уасгæ астау* (тонкая, гибкая талия), *æлвæст бæрзонд гуыр* 82 (высокий, подтянутый стан), *хъуымбыл дыууæ ставд дзыккуйы* (две густые волнистые косы); в устойчивых сравнениях: *сынты базырты хуызæн къæлæт æрфгуытæ* 82 (черные, как крылья ворона, изогнутые брови); *Стъалытау æрттивтой йæ дыууæ цæсты æмæ пиллон арт æфтыдтой усгурты зæрдæты* (Ее глаза сверкали, как звезды, и зажигали огонь в сердцах женихов); *Расугъд æрыскæфтау пух дыууæ были «ратон нæ, ратон», цыма дзырдтой* (Как красивые две землянки, пухлые губы будто говорили: «Сорви нас, сорви»); *Уæларвон цъиу Дурадзинау хъазты астау бæрæг дардта Цæллагты саура-сугъд* (Как небесная птичка Дурадзин, смотрелась в кругу танца Цаллаговых черная красавица).

К достоинствам Дарии относится ее умение хорошо танцевать (*Доныхъазу-иу куы ракафыд* 82 (Когда начинала танцевать, как лебедь...)) и петь (*Фæндыры цагъдмæ-иу Дариа буламаргъау базарыд* 82 (Под игру на гармошке Дария запела, как соловей)).

Своенравие, свободный дух девушки, ее горделивость автор рисует также в сравнениях, метафорах и эпитетах, в оценочных глаголах: *Чызг йæ сæр сæгуытау фæбæрзонд кодта, уазæгыл къахæй сæрмæ тызмæг цæстæнгас ахаста, æмæ йæ зæллангæнаг ныхас райхъуыст*: – *Мæнæ ацы æргъæвстæй зæгъут?* 80 (Девушка вскинула голову, как косуля, оглядела гостя грозным взглядом с ног до головы, и слышался ее звенящий голос: – Вы про этого озябшего говорите?) Дария высокомерно угрожает парню: – *Сар мын дæ мардты къона, искуы ма дæ нæ уынджы*

æрцахсон! (– Горе тебе (букв.: горе твоему очагу мертвых), если еще раз увижу тебя на нашей улице!) Ее действия, как и слова, были грубы и противоречили ее внешней красоте: *йæ фæдыл тымбылкъухæй батрхъирæн кодта* 80 (пригрозила ему вслед кулаком); *йæхи фæбирæгъ кодта* 83 (прикинулась грозной букв.: сделалась волком).

В другом случае она отказывается танцевать с гостем, унизив его перед всеми словами: – *Нæ кафын цъамадон лæппутимæ: сæ цухъхъатæ фысы тæф кæныны, – алыг кодта Дариа æмæ йæ фындзы базырты фæпака сты* (– Не танцую с парнями из Цамада: их черкески воняют бараном, – отрезала Дариа и надула крылья носа). В наказание Дарию умыкнули, но ни один из парней не захотел взять ее в жены. По очереди ей дают прозвища: *усбирæгъ* (– *Мæн усбирæгъ нæ хъæуы!* 86 – *Мне не нужна женщина-волк*), *калм* (– *Мæ хъуырыл калм нæ тухын!* – Не обматываю свою шею змеей); – *Ма дзы байрай!* (– *Будь она неладна!*) Один из этих парней, тайно влюбленный в девушку, умоляюще говорит: – *...кæд уæ никæй хъæуы, уæд æй мæнæн раттуд!* 86 (...если она никому из вас не нужна, отдайте ее мне). Это – не торг, а реальность: нужно достойно выйти из создавшейся ситуации, чтобы не опозорить Дарию. Воздействующая функция этих лексем напрямую связана с тем, что писатель и адресат находятся в одном коммуникативно-концептуальном поле. Дарию парни обзывают оскорбительным словом *усбирæгъ*, потому что она вела себя на празднике высокомерно, не по-женски дерзко, а затем ожесточенно дралась со своими похитителями. В суевном представлении осетин этим именем нарекали женщину, которая якобы с наступлением темноты превращалась в волка и нападала на скот и на людей.

Писатель продолжает использовать образную, экспрессивную, интенсивную лексику и фразеологию в качестве регулятивных средств для описания эмо-

ционального и психического состояния Дарии: *Лæппуты уæззау ныхæстæ æмæ фаутæ Дариаы фæллад сæрымагъз бацагадтой. Йæ рыст зардæ йын бынтондæр сæнкъуысын кодтой, йæ хурхуадындæ ахгæдтой* (Тяжелые слова и злословие парней всколыхнули усталый мозг Дарии. Заставили заколотиться ее израненное сердце, горло сжалось).

Народно-поэтические эпитеты и фразеологизмы создают живую картину переживания девушки: *...арф ныссагъæс кодта: «Уæ, цæй фидиссаг фæдæ, Берды цунаг чызг! Дæ хъал бонтæ, дæ буц цардтытæ æнæнхъæладжы дæ фарсы тæнæгæй куы акалдысты. Афонмæ дæ худинаджы зарæг фæсивæд цъиутау уасынц»* 87 (...глубоко задумалась: «О, как ты опозорилась, единственная дочь Берда! Как вышли тебе боком твои вольные дни, твоя избалованная жизнь. К этому часу песню о твоём позоре молодежь разносит, подобно птицам).

К регулятивным средствам в характеристике девушки относятся: традиционные поэтические языковые образы (*сæ цæстыты рухс* (свет их очей), *сæ дараг, сæ уромæг* 87 (их кормилица, их надежда), *уаларвон зæд* 80 (небесный ангел), *урс бæлон* 120 (белая голубица – невеста).

Высоко ценятся чистота, невинность девушки, поэтому пироги для божества Аларды печет девушка на выданье: *Дæ чъиригæнæг – чындздон чызджытæ!* 81 (Для тебя пироги делают девушки на выданье). «Аларды у осетин властелин оспы. ...Чтобы умиловить А., его называли золотым, светлым, приносили ему в жертву белого барашка и просили об избавлении детей от оспы» [6, 32].

Лексика и фразеология, вербализующие исследуемые концепты в произведениях А. Кайтукова, естественно, не могут полностью раскрыть их ментальное содержание.

Многие особенности женского характера воплощены в образе Госсох. Ее жизненный путь полон забот, горестей, но

она сохранила столько духовных сил, что смогла противостоять тяжелым обстоятельствам в своей жизни.

Она была покорной женой, трудилась неустанно, о чем автор повествует, прибегая к гиперболе и литоте: *Уыйраг дурæй дон ралæмардзæн, кæмæй фæзæгъыни, ахæм куыстуарзон, сæрæн чындз уыди Цæболты Госсох, фæлæ йæ йæ хæркъуы лæг Дзантемыр айчы хъызджы бакодта, æмæ йæхимидæг зныхау сыгъди* 118 (Про такую говорят, что из булыжника выжмет воду, такой работающей, проворной невесткой была Госсох, но ее вспыльчивый муж Дзантемир загнал ее в скорлупу яйца, и она сторала внутри, как трут). Мифологема «дурæй дон ралæмардзæн» («выжмет воду из валуна») заимствована из осетинского фольклора – сказка «Фæныкгуыз» («Домосед», букв.: *ворошащий золу*) [7]. Великан схватил камни, потерял в руках и измельчил их. А герой сказки вытащил сыр из котомки, выдав его за камень, выжал из него сыворотку [7, 239]. Великан поверил в недюжинную силу парня и стал исполнять его волю.

Для описания эмоционального, психического состояния Госсох, когда она идет просить старейшин фамилии Куловых (Хъулаты) (ее муж стал кровником этой фамилии) наказать ее и ее малолетнего сына, лишь бы кровники помирились (*Мах фæстæ туг тугæй мауал ныхсут. – После нас не смывайте кровь кровью*) 119 писатель использует народно-поэтическую метафору, символическое устойчивое сравнение и мифологему: *Йæ рæхыстæ атыдта æмæ, хæфс калмы дзымæ куы быра, уыйау, йæ авдаздзыд фырт Дзæрæхмæты къухыл хæцгæ, æрдуйы хидыл зианджын мыггаджы 'рдæм араст* 118 (Порвала свои цепи и, подобно лягушке, заползающей в пасть змее, держа за руку семилетнего сына Дзарахмата по мосту из волосинки пошла в сторону фамилии, похоронившей близкого человека).

Æрдуйы хид (мост из волосинки) является мифологемой. [Встречается в

фольклоре]. Обозначает мостик в страну Мертвых. В одном мифе «Зиндони хед» («Мост Ада») написано: «Зам-Зами донбæл ес хед... Еци хедбæл æнæ цæугæ нæй-йес. Хедæн æ бæрæг астæумæ ку бацаууи бæлцион, уæд и хед дзиккой халæй дæр нарагдæр исуй аллирдæмæ дæр» («Через реку Зам-Зам есть мост, мост в Ад... Через этот мост надо пройти непременно... Когда путник доходит до середины моста, то мост во все стороны становится уже волосинки») [8, 301]. Эту мифологию использовал и К. Хетагуров в поэме «Уæлмæрдты» («На кладбище»): «Иу ехсы фæвзидмæ / Бахæциæ уыдзынæ иу æрдуйы хидмæ... (За время взмаха плетью / Доберешься до моста из волосинки...)» [9, 118]. «Мардæн арфæ кæныни; «Дзæнæтмæ дын уæггд фæндаг уæд! Цæмæн? Уымæн æмæ цæуæн ис æрмæст æрдуйын хидыл, уый та у тæссаг» [10, 124] («Покойнику желают: «Пусть твоя дорога в рай будет легкой!» Почему? Потому что можно идти только по мосту из волосинки, а она опасная»).

Для Госсох дорога к старейшинам подобна такому мосту: не знает – станет тонкой, как волосинка, и оборвется или расширится. Она встала перед старейшим фамилии на колени, расстелила у его ног свою черную шаль и, подобно голуби с поломанным крылом, опустила голову

(Госсох йæ разы æрзоньгыл, йæ къæхты раз ын сау кæлмæрзæн æрытыдта æмæ саст базыр бæлонау йæ сæр æркъул). 118 Она просит смерти для себя и малолетнего сына ради того, чтобы две фамилии помирились. Ее речь-мольба экспрессивна, сформирована эмоционально-оценочной лексикой, фольклорными языковыми выражениями, гиперболами, интенсивами, фразеологизмами.

Можно сделать вывод, что одним из индивидуальных особенностей языка А. Кайтукова является использование в качестве регулятивных средств лексики и фразеологии ментального содержания и стилистического значения (разговорная и эмоционально-экспрессивная).

По произведениям писателя можно заключить, что положительные когнитивные признаки женщины – «почитаемый член семьи», «послушная», «решительная», «мудрая» и отрицательные – «мстительная», «обездоленная», «униженная»; девушка – ранимая, привлекательная, взбалмошная, при необходимости – боевая. В их характеристике важны описание внешности, душевных качеств, морально-нравственные позиции в жизни. В языке произведений А. Кайтукова отразились его идиостиль, а также языковая и концептуальная картины мира.

1. Воркачев С.Г. *Studia selecta: избранные работы по теории лингвокультурного концепта: монография.* Волгоград, 2013.

2. Болотнова Н.С. Коммуникативно-когнитивный потенциал слова и его текстовая реализация // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология.* 2012. Т. 11. Вып. 9: Филология. С. 51–55.

3. *Хъайтыхъты Азæмæт.* Амондуарджытæ. Дзæуджыхъæу, 1993. (на осет. яз.)

4. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ, 2008.

5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: учебн. изд-е. М., 2010.

6. Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1990.

7. Домосед // *Осетинские сказки.* Орджоникидзе, 1983. С. 239–242. (на осет. яз.)

8. Мостик ада // *Ираф.* 2014. II. (на осетинском языке).

9. Хетагуров К.Л. На кладбище // Коста Хетагуров. Полн. собр. соч. Владикавказ, 1999. Т. I. С. 118–120. (на осет. яз.)

10. Джикаев Ш.Ф. Волосинка – символ жизни и смерти // Древний быт и мировоззрение осетинского народа. Владикавказ, 2010. С. 116–126. (на осет. яз.)

Tsopanova, Rita G. – K.L. Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russia); tsopanowarita@yandex.ru

LEXIS AND PHRASEOLOGY, VERBALIZING CONCEPTS OF WOMAN AND GIRL IN A.B. KAITUKOV'S WORKS..

Keywords: concept, nominative density, ethnic mentality, conceptual features, writer's idiosyle.

The purpose of this study is to determine the mental contents of the vocabulary and phraseology that verbalize the concepts of woman (sylgoimag) and girl (chyzg) in the works of the Ossetian writer A. B. Kaitukov. The scientific novelty is connected with the fact that for the first time the mental content of these concepts will be revealed on the language material of A. Kaitukov's works. The relevance of this study is that due to the description of the linguistic content of the concepts woman (sylgoimag) and girl (chyzg), the reader, on the one hand, is introduced into the world of national linguoculture, containing information about the mentality of the people, on the other hand, a characteristic of the individual features of the writer's language is given. The following research methods were used in the work: semantic and stylistic, methods of conceptual and contextual analysis of linguistic units in a literary text. The following tasks were set: to determine the nominative density of the concepts woman and girl; to reveal the mental content of lexis and phraseology, verbalizing the named concepts; indicate the cognitive features of the studied concepts; to characterize the vocabulary and phraseology that objectify the named concepts as a means of creating the idiosyle of the writer. As a result of the work, a description of the concepts of a woman and a girl in the works of A. Kaitukov is given in the aspect of linguoculture and within the framework of the writer's idiosyle.

REFERENCES

1. Vorkachev, S.G. *Studia selecta: izbrannyye raboty po teorii lingvokul'turnogo kontsepta: monografiya* [Studia selecta: selected works on the theory of linguocultural concept]. Volgograd, Paradigm, 2013. 167 p.

2. Bolotnova, N.S. *Kommunikativno-kognitivnyi potentsial slova i ego tekstovaya realizatsiya* [Communicative and cognitive potential of a word and its textual implementation]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology]. 2012, vol. 11, iss. 9 (Philology), pp. 51–55.

3. Kaitukov, Azamat. *Amonduardzhytæ* [Fortune-granters]. Dzauzhykau, Ir, 1993. 247 p. (in Ossetian)

4. Chibirov, L.A. *Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura osetin* [Traditional spiritual culture of Ossetians]. Vladikavkaz, Ir, 2008. 599 p.

5. Popova, Z.D., Sternin, I.A. *Kognitivnaya lingvistika: uchebn. izd-e* [Cognitive linguistics: textbook]. Moscow, AST: East–West, 2010. 314 p.

6. Meletinsky, E.M. (ed.) *Mifologicheskii slovar'* [Mythological dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1990. 672 p.

7. *Domosed. Osetinskie skazki* [Stay-at-home. Ossetian tales]. Ordzhonikidze, Ir, 1983, pp. 239–242. (in Ossetian)
8. *Mostik ada* [The Bridge of hell]. *Iraf* [Iraf]. 2014, no. II. 301 p. (in Ossetian)
9. Khetagurov, K. *Na kladbishche* [At the cemetery]. *K. Khetagurov. Poln. sobr. soch.* [K. Khetagurov. Complete works]. Vladikavkaz, Respublikanskoe izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie im. V.A. Gassieva, 1999, vol. 1, pp. 118-120 (in Ossetian).
10. Dzhikaev, Sh.F. *Volosinka – simbol zhizni i smerti. Drevnii byt i mirovozzrenie osetinskogo naroda* [Hair – a symbol of life and death. Ancient life and worldview of the Ossetian people]. Vladikavkaz, North Ossetian State University, 2010, pp. 116-126 (in Ossetian).